

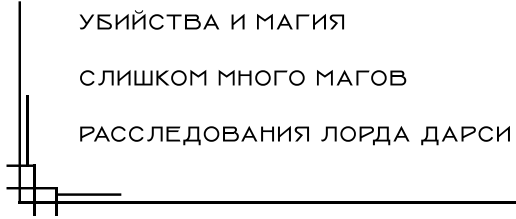
ЛОРД ДАРСИ

УБИЙСТВА И МАГИЯ

СЛИШКОМ МНОГО МАГОВ

РАССЛЕДОВАНИЯ ЛОРДА ДАРСИ

RANDALL GARRETT

LORD
DARCY

РЭНДАЛЛ ГАРРЕТ

ЛОРД
ДАРСИ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г21

Randall Garrett
LORD DARCY

Text copyright © The Estate of Randall Garrett 2002
All rights reserved

“The Eyes Have It” was first published in Analog, January 1964. “A Case of Identity” was first published in Analog, September 1964. “The Muddle of the Woad” was first published in Analog, June 1965. “A Stretch of the Imagination” was first published in Of Men and Malice (ed. by Dean Dickensheet), Doubleday 1973. The four stories listed above were reissued under the title Murder and Magic by Ace Books in 1979. “Too Many Magicians” was first published in serialised form in Analog, August-November 1966, and then reissued as a novel by Doubleday in 1967. “The Ipswich Phial” was first published in Analog, December 1976. “A Matter of Gravity” was first published in Analog, October 1974. “The Napoli Express” was first published in Asimov’s SF, April 1979. “The Sixteen Keys” was first published in Fantastic, May 1976. The four stories listed above were reissued under the title Lord Darcy Investigates by Ace Books in 1981. “The Bitter End” was first published in Asimov’s SF, September-October 1978. “The Spell of War” was first published in The Future At War (ed. by R. Bretnor), Ace 1979.

Перевод с английского Юрия Соколова

Дизайн Елены Куликовой

Иллюстрация Виталия Аникина

Гаррет, Рэндалл.

Г21 Лорд Дарси: убийства и магия / Рэндалл Гаррет ; [перевод с английского Ю. Соколова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 800 с.

ISBN 978-5-04-211385-7

Что, если бы король Ричард Львиное Сердце не погиб в 1199 году, а его потомки правили бы Англо-Французской империей в XX веке? В мире лорда Дарси и его помощника, волшебника Шона О’Лохлэнна законы магии дополнили законы физики, но именно замечательные дедуктивные способности главного следователя герцога Нормандии позволяют найти ответ на вопрос «Кто убийца?».

Полное издание цикла про гениального детектива альтернативной Европы «Лорд Дарси» в одном томе.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-211385-7

© Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

УБИЙСТВА И МАГИЯ

ГЛАЗА ПОМНЯТ ВСЁ

Сэр Пьер Морле, рыцарь Анжуйской империи, кавалер Сордена Золотого леопарда и личный секретарь милорда графа д'Эвре, отогнул кружевную манжету, чтобы взглянуть на наручные часы... без трех минут семь. Ангелус, как всегда, прозвонили в шесть, наверняка пробудив милорда д'Эвре. За семнадцать лет своей службы графу сэр Пьер не мог припомнить такого дня, чтобы милорд не проснулся от колокольного звона. Впрочем, однажды ризничий забыл прозвонить, после чего граф бушевал целую неделю. И только заступничество отца Брайта при поддержке самого епископа убергло ризничего от заточения в одном из подземных казематов замка д'Эвре.

Сэр Пьер вышел в коридор и направился по устланному коврами каменному полу, привычно оглядываясь по сторонам. В старинных замках трудно поддерживать чистоту, и милорд граф всякий раз возмущался, замечая селитру в швах между камнями стен. Все, похоже, пребывало в полном порядке, что было само по себе неплохо. Милорд граф вчера вечером изволил гулять, отчего по утрам всегда капризничал. Да и пробуждался он под звон Ангелуса не всегда трезвым.

Сэр Пьер остановился перед резной дубовой полированной дверью, нащупал нужный ключ в связке на поясе и повернул его в замке, после чего вошел в лифт, и дверь автоматически за ним закрылась. Он нажал нужную кнопку и терпеливо принялся ожидать, пока лифт поднимет его на четыре этажа вверх, к личным покоям графа.

К этому времени милорд граф обычно уже успевал освежиться в ванне, побриться и одеться. Помимо этого, он также

выпивал для бодрости духа половину стакана отличного бренди, произведенного в провинции Шампань. Завтракал он всегда в восемь. Камердинера в строгом смысле у графа не было. Титул этот принадлежал сэру Реджинальду Бове, которого тем не менее никогда не вызывали исполнять прилагавшиеся к титулу обязанности. Однако граф предпочитал покидать свои покои только в безукоризненно презентабельном виде.

Лифт остановился. Выйдя из кабины, сэр Пьер направился к двери в дальнем конце коридора. Ровно в семь утра он коротко постучал в высокую дверь, украшенную позолоченным и разноцветным гербом дома д'Эвре.

И впервые за семнадцать лет не получил ответа.

Не веря своим ушам, сэр Пьер подождал минуту, рассчитывая все же дожидаться разрешения, произнесенного привычным брюзгливым тоном. А затем, едва ли не с робостью, постучал снова.

И вновь не получил ответа.

После чего, приготовившись к словесной буре, ожидавшей его в случае ошибки, повернул дверную ручку и открыл дверь так, как будто получил разрешение из уст графа.

— Доброе утро, милорд, — проговорил он, как делал каждый день в течение семнадцати лет.

Но в комнате никого не оказалось, и потому ответа, понятным образом, не последовало.

Он окинул взглядом просторное помещение. Утренний свет проливался сквозь разделенные средниками высокие окна, оставляя яркий шахматный след на гобелене, висевшем на противоположной от окна стене, подчеркивая яркие краски изображенной на нем сцены охоты.

— Милорд?

Тишина. Ни звука.

Дверь в спальню была открыта. Подойдя к ней, сэр Пьер осторожно заглянул внутрь.

И немедленно понял, почему милорд не ответил ему и, более того, почему никогда уже не ответит.

Милорд граф лежал на спине, широко раскинув руки, уставившись мертвыми глазами в потолок. На нем был алый

с золотом вечерний наряд. Однако на красной ткани камзола багровым цветом выделялось большое темное пятно, в самой середине которого виднелась оставленная пулей дыра.

Сэр Пьер какое-то время неподвижно смотрел на графа, затем подошел поближе, опустил на колени и тыльной стороной ладони прикоснулся к ледяной руке графа. Его убили довольно давно.

— Так и знал, милорд, что рано или поздно вы нарветесь на пулю, — едва ли не с сожалением произнес сэр Пьер.

А потом поднялся из коленопреклоненной позы и вышел из спальни, не глядя более на своего почившего господина. Заперев дверь в покои, он убрал ключи в карман и спустился вниз на лифте.

Мэри, леди Дункан, взирала из окна на яркий утренний свет и пыталась понять, что делать. Колокольный звон Ангелуса пробудил ее, уснувшую беспокойным сном в кресле, и она понимала, что в качестве гостыи замка д'Эвре ее и сегодня ожидают к мессе. Но как могла она решиться на это? И разве могла она теперь осмелиться предстать перед святым ликом Господним над алтарем — не говоря уже о том, чтобы принять святое причастие?

И тем не менее как она может не спуститься сегодня утром в церковь после того, как в первые же дни своего визита обещала леди Алисе постоянно посещать вместе с ней по утрам церковь и все четыре дня исправно выполняла свое обещание.

Повернувшись, она взглянула на запертую на замок и застав дверь спальни. *Его* там точно никто не ждет. Лэрд Дункан отговорился от присутствия на службе, сославшись на свою инвалидную коляску, однако она подозревала, что с той поры, как ее муж увлекся черной магией, он на самом деле просто боялся даже подойти близко к церкви.

Если бы она только не солгала ему! Но разве можно было открыть ему правду? Так было бы хуже, бесконечно хуже. И по-

тому он заперся в своей опочивальне, занимаясь бог и черт знает чем.

Если бы только он вышел! Если бы только прекратил то, чем был занят все эти долгие часы, — или, по крайней мере, окончил свое занятие! Тогда они могли бы покинуть Эвре под каким-нибудь предлогом — да под любым — и убраться как можно дальше отсюда. Один из них мог бы сослаться на какую-нибудь болезнь. Или что-нибудь еще... что угодно, лишь бы оставить Францию, переплыть Канал и вернуться в Шотландию, где они будут в безопасности!

Она снова посмотрела в окно, на громадную каменную башню цитадели и высокое окно в стене, за которым располагались покои Эдуара, графа д'Эвре.

Вчерашним вечером она ненавидела его. Теперь же в ее сердце не осталось места ни для чего другого, кроме страха.

Прикрыв лицо ладонями, она кляла себя на чем свет стоит. Слез также не осталось — после бесконечно долгой ночи.

Она обернулась на скрип отпираемой двери.

Лэрд Дункан, владелец поместья Дункан, въехал в отведенные им покои. Из оставленной им комнаты дохнуло отнюдь не благовонными испарениями. Леди Дункан внимательно посмотрела на мужа.

Он словно постарел за ночь, его и без того угрюмое лицо осунулось, а в блеске глаз угадывалось нечто неприятное. Какое-то мгновение лэрд молчал, затем кончиком языка облизал губы и заговорил наконец оцепенелым голосом.

— Бояться больше нечего, — произнес он. — Совсем нечего.

Паства преподобного отца Джеймса Валуа Брайта, викария капеллы Святого Духа, насчитывала несколько сотен обитателей замка д'Эвре. Сам по себе отец Брайт представлял собой видного в графстве священника — хотя бы в общественном, если не в иерархическом плане. Конечно, вовсе не равного епископу или настоятелю кафедрального собора. Однако осознание этого факта отнюдь не способствовало его душевному

спокойствию. Увы, посещаемость служб его духовными чадами самым угнетающим образом не соответствовала размеру паствы — особенно по будням. Воскресные мессы, конечно, посещались хорошо; сам граф д'Эвре каждое воскресенье регулярно появлялся на службе ровно в девять утра, кроме того, имел привычку подсчитывать присутствующих членов своего дома. Однако по будням он не появлялся вообще, и его небрежность каким-то образом нисходила вниз по иерархии свитских.

Зато утешение, и притом огромное, приносила леди Алиса д'Эвре. Девушка простодушная и бесхитростная, почти на двадцать лет младше своего брата, и полная противоположность ему во всех отношениях. Тихая там, где он был громогласен, скромная против его напыщенности, умеренная против его пьянства, целомудренная, тогда как он...

Отец Брайт заставил себя остановить поток своих мыслей, поскольку не имел права на суждения подобного рода. В конце концов, не он был духовником графа, а епископ.

К тому же ему следовало обратиться мыслью к своим молитвам.

Он с легким удивлением заметил, что успел облачиться в стихарь, паллий и епитрахиль, автоматически произнося соответствующие молитвы.

«Привычка, — подумал он, — может самым губительным образом сказываться на умственных способностях».

Он окинул ризницу взглядом. Служка, молодой сын графа Сен-Бриё, присланный сюда для завершения образования, подобающего истинному джентльмену, которому суждено однажды сделаться королевским губернатором одного из самых важных графств Бретани, надевал стихарь через голову. На часах значилось одиннадцать минут восьмого.

Отец Брайт заставил себя обратить свои мысли к Небесам и безмолвно повторил про себя полагающиеся при облачении молитвы, ранее нечувственно произнесенные его губами, на сей раз обратив к этому процессу полное внимание. И добавил к ним короткое послание от себя лично, в котором просил у Бога прощения за небрежение, допущенное в столь ответственный момент.

Открыв глаза, он уже протянул руку к своему облачению, но в этот самый момент в дверях ризницы появился сэр Пьер, личный секретарь графа.

— Мне нужно поговорить с вами, ваше преподобие, — тихо проговорил он и, бросив взгляд на молодого де Сен-Бриё, добавил: — С глаза на глаз.

Обыкновенно отец Брайт строго отчитал бы всякого, решившего посетить ризницу, когда он облачался к мессе, однако понимал, что сэр Пьер никогда не совершил бы такой поступок, не имея на то веской причины. Кивнув, он вышел в ведущий к алтарю коридор.

— Что случилось, Пьер? — спросил он.

— Милорд граф скончался. Его убили.

После первого короткого потрясения отец Брайт осознал, что новость, в конце концов, нельзя было назвать неожиданной. Словно каким-то образом он всегда знал, что графа ожидает насильственная смерть, причем намного раньше, чем его погубят распутство и невоздержанность.

— Рассказывайте, — негромко произнес он.

Сэр Пьер в точности изложил все, что делал и что видел, заключив словами:

— После чего я запер дверь и направился прямо сюда.

— У кого есть ключи от покоев графа? — спросил отец Брайт.

— Только у самого милорда, — ответил сэр Пьер, — во всяком случае, насколько мне известно.

— И где они?

— На кольце, прикрепленном к его поясу. Я проверил.

— Очень хорошо. Пусть дверь останется запертой. Вы убедились в том, что труп остыл?

— Холодный и восковой на ощупь, отче.

— Тогда получается, что он умер достаточно давно.

— Необходимо сообщить леди Алисе, — проговорил сэр Пьер.

Отец Брайт кивнул.

— Графиня д'Эвре должна знать о своем восхождении на престол графства.

По недоуменному выражению, мгновенно проскользнувшему по лицу сэра Пьера, он понял, что личный секретарь еще не полностью осознал все последствия, проистекающие из смерти графа.

— Я сам скажу ей, Пьер. Она уже должна сидеть на своей скамье. Загляните в церковь и тихо сообщите ей, что я хочу с ней поговорить. Но ничего больше.

— Понимаю, отец, — сказал сэр Пьер.

На церковных скамьях сидело всего человек тридцать, по большей части женщин, однако Алисы, графини д'Эвре, среди них не было. Сэр Пьер тихо и со всей скромностью прошествовал по проходу между скамьями и вышел в притвор. Она стояла у входной двери, поправляя на голове черную кружевную мантилью, как будто только что вошла. Сэр Пьер вдруг обрадовался, что не ему придется сообщать ей скорбную весть.

Как и всегда, она казалась печальной, на простом лице не было улыбки. Длинный нос и квадратный подбородок, наделявшие лицо ее брата некой агрессивной красотой, придавали ей вид слишком серьезный и непривлекательный, хотя Алиса обладала великолепной фигурой.

— Миледи, — подал голос сэр Пьер, подойдя к ней. — Преподобный хотел бы переговорить с вами до начала мессы. Он ждет у двери в ризницу.

Резким движением прижав четки к груди, она охнула:

— Ой, сэр Пьер. Простите, вы застали меня врасплох. Я вас не заметила.

— Прошу прощения, миледи.

— Ничего страшного. Я слишком глубоко задумалась. Не проводите ли вы меня к нашему доброму священнику?

Отец Брайт услышал шаги в коридоре еще до того, как увидел обоих. Он слегка нервничал, поскольку начало мессы опаздывало уже на одну минуту. Начинать ее следовало ровно в семь пятнадцать.

Как он и ожидал, новая графиня д'Эвре восприняла новость спокойно. Помедлив немного, она перекрестилась и произнесла:

— Да упокоится его душа с миром. Я оставляю все в ваших руках, преподобный отец и сэр Пьер. Что мы должны делать?

— Пьер должен немедленно телесонировать в Руан и сообщить о случившемся его высочеству. Я же объявлю о смерти вашего брата и попрошу помолиться за его душу — однако считаю, что лучше будет умолчать об образе его смерти. Нет никакой нужды давать почву для лишних спекуляций и пересудов.

— Очень хорошо, — произнесла графиня. — Пойдемте, сэр Пьер, я хочу лично поговорить с герцогом, моим кузеном.

— Да, миледи.

Возвратившись в ризницу, отец Брайт открыл служебник и изменил порядок закладок. Служба планировалась совершенно обыденной; богослужебные правила не запрещали служение обетованной мессы. На часах было уже семнадцать минут восьмого. Он повернулся к юному де Сен-Бриё, почтительно ожидавшему распоряжений.

— Сын мой... ступайте, возьмите небеленые восковые свечи и поставьте их на алтарь. Но не забудьте зажечь их до того, как погасите белые. Поспешите же, я буду готов, когда вы вернетесь. И да — перемените алтарную пелену. Замените ее на черную.

— Да, отче. — И парнишка исчез.

Аккуратно сложив зеленое облачение, отец Брайт вернул его на место в ящике шкафа и вынул черное. Он отслужит панихиду по всякой усопшей верной душе — и будет надеяться на то, что граф уже причтен к их числу.

Его королевское Высочество герцог Нормандский перечитал официальное письмо, только что отпечатанное его секретарем и адресованное «*Serenissimo Domino Nostro Iohanni Quarto, Dei Gratia, Angliae, Franciae, Scotiae, Hiberniae, Novae Angliae et Novae Franciae, Rex, Imperator, Fidei Defensor...*» «Нашему светлейшему повелителю Джону IV, милостию Божьей королю и императору Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Новой Англии и Новой Франции, защитнику веры...»

Рутинное послание, простое извещение, направленное его брату, королю, в котором сообщалось, что преданнейший слуга

его величества Эдуар, граф д'Эвре, испустил дух. Далее было изложено прошение утвердить наследницу графа Алису, графиню д'Эвре, в качестве его законной преемницы.

Прочитав письмо, его высочество кивнул и расписался внизу: «*Ricardus Dux Normaniae*».

А затем на отдельном листе бумаги написал следующее:

«Дорогой Джон, могу ли я попросить тебя по возможности задержать решение по этому делу? Эдуар был развратником и мерзким типом, и я нисколько не сомневаюсь, что он получил по заслугам, но мы не знаем, кто именно с ним покончил. Вопреки всем свидетельствам противоположного, я вполне допускаю, что на спусковой крючок могла нажать и Алиса. Я отошлю тебе подробный отчет сразу же, как только буду им располагать. С любовью, твой брат и слуга Ричард».

Опустив оба листа в приготовленный заранее конверт, он запечатал его, жалея, что не может телесонировать королю напрямую, однако как провести провода через Канал, никто пока еще не придумал.

Герцог рассеянно посмотрел на запечатанный конверт, и на его симпатичное белокурое лицо легла печать задумчивости. Дом Плантагенетов существовал уже восемь веков, и кровь Генриха Анжуйского в его жилах существенно утратила былую силу, однако норманнский род не только сохранялся, но и приумножал былую мощь за счет вливания крови норвежских и датских принцесс. Мать Ричарда, королева Хельга, вдова покойного короля Карла III, знала не так уж много слов на англофренче, да и те произносила с сильным норвежским акцентом.

Тем не менее в произношении, манерах да и самой стати Ричарда, герцога Нормандского, не было ничего скандинавского. Он принадлежал к стариннейшему и могущественнейшему из всех правящих родов Европы и носил христианское имя, весьма прославленное даже в своей семье. Семь королей Империи в разные времена носили его, и по большей части они были хорошими правителями. Даже старый Ричард I, ирзядно